

Париж узнал гасконца де Тревиля.

Львиная доля

В уголке Дурова висят рядом автограф Пушкина и бланк со стола Гитлера.

Лев — он и не в Африке Лев, Царь зверей. Трон у Дурова, между прочим, тоже имеется. На своем хозяйском месте, в уютном кресле, актер смотрит не хуже иного величества.

— Да ну, — начинаю дразнить Льва, — разве это хозяйское место? Обзор мелковат, даже в окно не посмотришь.

— Почему? Все видно мне. Вон, видите, здание с вышкой — ее, например, вертолет устанавливал, огромный такой, очень интересно было смотреть. А тут больница. Также наблюдать забавно. Во дворе иногда стоят, бездействуя, до 15 автомобилей, а в это время какая-нибудь несчастная "скорая" носится по всей Москве...

— Позвонили бы куда следует. Или это не в вашем стиле?

— Нет, но однажды у меня была история. У человека случился приступ эпилепсии: я вышел из дома, он на асфальте бился. А врачи из окошка больницы спокойно на все это смотрят. Я сказал: "Вам ничего не кажется, эскулапы? Вам Гиппократ не завещал свою клятву?" Ноль внимания. Тогда я взял булыжник. "Если сейчас, — говорю, — кто-то из врачей не выйдет, разнесу всю вашу больницу". Через какое-то время выходит женщина в белом халате. Они, видно, поняли, что мужчине лучше не появляться...

— Не думал, что вы вояка такой. Хотя... На стене висят два японских меча, а это значит...

— Да нет, когда происходит что-то не красивое, несправедливое и хамское, — я очень агрессивный человек. Сам никогда не начинаю. Но, если зацепят, тогда, ребята, не обескураживайте, вы сами предложили мне на ринг выйти. И если я вам плюхну, а вы сели — пожалуйста, не жалуйтесь. Вот знаете, я в театр отсюда иногда на троллейбусе езжу, машину водить сейчас не могу из-за зрения. А напротив нас академия военная. И едут курсанты: молодые, здоровые. Женщины стоят, старухи стоят, дети — эти сидят. Причем фуражки на глаза — дремлют, мол. Я стою-стою. А потом как рявкну: "Будущие господа офицеры! Встать! Смирно!" Они вскакивают. "В вашей академии мазурку танцевать учат. А уступать женщинам и детям не учат? Не стыдно вам, лбы громадные?" Ну они на Садовке, когда им еще не нужно, и вылетают все.

■ ■ ■

И все-таки: царь зверей он или хищник, этот Лев? С виду вроде мягкий и пушистый. А может, усыпляет бдительность, момент выбирает? Но нет. Видно, Лев и сам может превратиться в жертву. Другого хищника: позубастее да помоложе. И на душе у старого Льва кошки скребут.

— Хищник или царь зверей? — Дуров усмехается. — Да, пожалуй, ни туда и ни туда. Знаете, выражение есть такое: "обоссавшийся беркут"...

— Вполне самокритично. Лев Константинович, это ведь ваша комната? Часто один здесь сидите?

— Часто. Вообще, к старости появляется желание одиночества. Даже не знаю почему. На самом деле хочется побыть одному. Мы с женой 52 года вместе, у нас замечательные отношения. Но я знаю, что ей иногда хочется побыть одной, ну и мне тоже. Редко получается. Вот видите: только я захотел один посидеть, вы пришли. Как у Высоцкого: придешь домой, там ты сидишь.

— Ну извините, Лев Константинович. А мысли какие приходят в одиночестве? Вот мы привыкли, что Дуров — это всегда хорошее настроение. А может...

— Нет, в данный период у меня совсем не хорошее настроение. Что творится на Малой Бронной, мне совсем не нравится. Что там происходит — против меня категорически. И я знаю, что настроение в театре у всех тревожное и подавленное. Человек назначен (новый худрук театра Леонид Трушкин. — Авт.), он совершенно странно себя ведет, я не понимаю, чем он руководствуется. Свою деятельность он начал с мелких странных репрессий: если ты хоть на один день отлучаешься — пиши заявление, с тебя снимут зарплату. Слова "увольню", "увольнение" висят в воздухе просто. Ему ничего не нравится, спектакли он все снимает. Стоп. Для того чтобы я понимал, почему ты снимаешь мои спектакли, я должен увидеть твой. Он спектакль репетирует, вдруг неожиданно останавливает и говорит: у меня не сходится... Сказал, не ставьте больше "Детей". А за "Детей" я в Ярославле "Хрустальный колокол" получил, на фестивале "Орла" приз за лучшую режиссуру. Ему не нравится. И не объясняет даже, со мной не раз-

говаривает. Он смотрит спектакль из логи, думаю, сейчас поговорим. Спектакль заканчивается, он проходит мимо меня — и с концами.

— А вы со многими людьми не разговариваете, многим руку не подаете?

— Нет, не многим. В театре таких трое. Они просто меня предали. Самым откровенным образом: говорили одно, потом делали другое. Не буду уточнять — они знают, о чем я говорю. Конечно, я играю с ними спектакли, на сцене не имею права показать свою неприязнь, но тем не менее они для меня перестали существовать.

— А враги у вас есть?

— Думаю, что нет. Если б были, меня давно бы уже убили. Потому что, когда я прав, не как осел упрямый, а когда знаю, что прав, — меня победить нельзя, меня можно только убить.

— Но вы не прав, вы — Лев.

— В том-то и дело...

■ ■ ■

В коридоре у Дурова, сам говорит, можно лишь задницами толкаться. Как выяснилось, не только. Наткнувшись можно... на руку Пушкина. И даже на тень Гитлера. Речь о коллекции Льва. Львиная доля которой — с бложинского рынка.

— Да какая там коллекция?! — скромничает. — Ладно, сейчас покажу, у меня тут где-то лежит галстук из платяной Евы Браун... — ворох на столе оказывается неподъемным, и Дуров сдается. — Ну потом найдем. Это у меня знакомый был, который занимался разбором рейхсканцелярии перед Нюрнбергским процессом. Привез несколько платяев Евы Браун, фляг, фляг, бланки-картончики со стола фюрера. Видите печать: "Адольф Гитлер отсюда приказывает..."? У меня таких две было. Одна с автографом Гитлера, сейчас уж не помню, что он там приказывал — ну какие-то пустяки. Один художник пристал: подари-подари, я собираю автографы, говорю: да ради бога...

— Да вы что! Знаете, сколько такая карточка стоит?

— Да, а потом он выменял ее на скелет мамонта — обманул меня.

— Миллион долларов, можно сказать, взяли да подарили.

— Да ладно, господи: говна-пирого — Адольф Гитлер, тоже мне...

— Пушкина хоть не отдавайте.

— Да, а это визитная карточка Пушкина. Видите, он не пишет ни профессора, ни академика, ни народного артиста. Просто — Пушкин. И притом гусиным пером... А вот эти ключики — из Швейцарии. Они там чтят очень память Суворова, и в каждом доме, где наш полководец останавливался, у них — нарек на музей. В одном таком доме ящик стоял на полу, а в нем — куча ключей. Хозяин говорит: вы все тут так внимательно рассматриваете,

совского. А тут жена к нему приехала — на гастролях была, балерина тоже. Ей говорят: мужа увезли окровавленного. Та: все понятно, бабы, пьянка. Летит в Скиф, вбегает в палату, Коля, забинтованный сверху и снизу, протягивает к ней ручки, а она ему сумкой ка-а-а-ахнет. А в сумке — бутылка лимонада. Она пробивает Коле височную кость, и ему (Дуров прямо захлебывается от смеха) трепанацию черепа делают...

— Вот, а вы говорите, полы мыть. Это ж риск какой. Ладно, а на этой кухне табуретки летали? Случались семейные сцены?

— Нет, вы знаете, никто из нас, самое смешное, ни разу даже дверью не хлопнул. Я иногда визжу, когда опаздываю и нужна чистая рубашка, а я не могу ее найти. Вот тогда могу прийти даже в ярость. Но это секундная вспышка... Знаете, с чего начинается скандал?

— Обычно с пустяка.

— Нет, вообще все раздоры в семье начинаются, как только разговор заходит о деньгах. Ну что ты, какая зарплата у тебя? — все, конец. Мужчина унижен, он начинает оправдываться. Вообще слово "деньги" не должно произноситься. Есть они — есть. Нет — значит, нет. Моя жена никогда не знает, сколько я получаю, никогда не поинтересуется. Я говорю: возьми там, в шкафу, в верхнем ящике лежат. Она мне: извини, Лева, там пусто. Я говорю: значит, нету. Слова не скажет.

— А вы хорошо зарабатываете, как считаете?

— Вы знаете, никогда не ныл и не ною. Я никогда богатым не был и не буду. Как говорил Василий Макарович Шукшин: не жили богато, но хера и начинать. Ну как: я зарабатываю столько, сколько нужно. Чтобы в доме ни в чем себе не отказывали, чтоб жратва была, чтоб заплатили за газ, за телефон. А каких-то там сбережений, каких-то вкладов... Да откуда? Семья большая. А все — актеры.

— И это диагноз?

— Да. Видите, какой у меня стол? Самый простой. У нас был столяр в театре, я попросил его: Юрка, сделай мне стол. И до сих пор не могу с ним расстаться, другим заменить. Также бзика такие бывают. Телевизионщики один раз снимали у меня здесь. И начались звонки: ты что, с ума сошел?! тебе не стыдно?! народный артист, а у тебя телевизор на табуретке стоит!.. А я, вот честное слово, внимания даже не обращал...

— Но сейчас, извините...

— Это они меня додрили, какую-то хреновину купил вместо табуретки. Так удобно было: туда шаркнул телевизор, сюда... А вот она, ха-ха, эта табуретка, я ее даже не выбросил — на балконе стоит.

— А выпито много было за этим столом?

— Выпито? Много. А как же! Вы оглянитесь... Эта (опрокидывает бутылку горлышком вниз) — пустая, эта — пустая. Здесь что-то еще есть. Посмотрите там (открывает дверь под мойкой) — невынесенных еще мно-о-ого. Нет, в этом смысле я не ханжа. Несмотря на то что врачи мне в общем-то не разрешают — у меня инсульт был семь лет назад. Но я считаю, знаете, что: ну хорошо, лишу себя того, другого, третьего. Продлю свою жизнь на год. И что? Это мне удовольствие доставляет, понимаете? Ну такая традиция наша русская. И что с этим делать?

■ ■ ■

Ну хватит, пора и честь знать. Не стоит доживать, пока Лев сам выпроводит из логова своего. Ему нужно посидеть одному, подумать. Впереди юбилей: будут поздравлять, признаваться в любви. У Дурова между тем мысли тяжелые. Перевернуть бы надо...

— Так, ну в эти двери не будем, наверное, заходить? — киваю в сторону туалета-ванной.

— Почему, если нужно — зайдите. Там мыслей много приходит, кстати. Существует сортирная сосредоточенность, многие говорят. Иногда просто даже на закрытую крышку сядешь, чтобы уединиться совсем...

— Ну да, больше в общем-то и не где. Думал, кстати, хоромы-то у вас попросторнее.

— Нет, Дурову больше не дают. Сначала шесть метров было в коммуналке, за занавеской. Потом дали однокомнатную в Филевском парке. А потом уже вот эту "двушку". Ну и мы счастливы — нормально. Нет, вообще-то была бы третья комната, было бы лучше — поменьше задницками бы стукались. Нет, ну правда — когда гости, ты и деться нигде не можешь.

— Зато уютно у вас, с работы домой, наверное, приходит приятно. Или все же лучше из дома на работу?

— Сейчас — как можно скорее прийти домой... То есть я иду в театр, играю — и скорей-скорей домой. Потому что чувствую себя там чужим. Да, грустно. Тем более многие актеры, знаю, меня любят. Говорят: Лев, ну ты приди, постой хоть за кулисами, появившись — просто так. А... А я не могу. Видите, я свой юбилей отмечаю не в театре, а в ВТО. Только по этим обстоятельствам. У меня театр отобрал. Мой театр, которому я отдал 40 лет. Я сыграл там свои лучшие роли, я прожил там лучшие годы...

— Может, вас так тихо на пенсию спроваживают?

— Да вы знаете, меня спроваживать и не надо. Если вы такие честные, и вы считаете, что пора, так скажите мне в глаза. Скажите: "Дуров, мы считаем..." А я отвечу, считаю я или не считаю. Вот он занял актрису Антоненко. Которая тоже 40 лет проработала в театре. И сказал вдруг — не ей, а кому-то: "Антоненко больше не вызывайте". Она его встречает, говорит: "Вы мне ничего не хотите сказать?" Он: "Нет", — и проходит мимо. Вот скажите, вот вы мужчина и я мужчина, она — женщина. Какая у меня была реакция? Если б я спросил: Леонид Григорьевич, вы не хотите ничего мне сказать, а он бы в лицо ответил: нет? Вот какая у вас была бы реакция?

— Не знаю, Лев Константинович. Мужская, наверное.

— Вот именно. И у меня мужская.

Дуров Лев

23.12.06